

ЧЕХОВ СПОРИТ С ГАРШИНЫМ (ПОВЕСТЬ «ОГНИ»)

С. Н. Кайдаш-Лакшина

Гаршин покончил самоубийством 19 марта 1888 года, а 31 марта А. Н. Плещеев попросил Чехова в письме принять участие в сборнике памяти Гаршина. 15 сентября Чехов ему написал: «Есть у меня одна тема: молодой человек Гаршинской закваски попадает в первый раз в жизни в дом терпимости». Рассказ «Припадок» был напечатан в сборнике «Памяти В. М. Гаршина» (СПб., 1889). Это был чеховский ответ на два известных произведения Гаршина «Происшествие» (1878) и «Надежда Николаевна» (1885), героиней которых является падшая женщина, и герой пытается ее спасти.

Однако прежде в № 6 «Северного вестника» 1888 года была опубликована повесть Чехова «Огни», которую также можно понять в свете размышлений Чехова о поставленных Гаршиным вопросах. Они касаются самой природы любви, взаимоотношений мужчины и женщины, оскорбления личности женщины, природы пессимизма — «всё проходит» или «всё остается навсегда»? наконец, можно ли человеку покончить со Злом — сорвать Красный цветок, в котором оно воплощено?

Недооцененная самим автором повесть построена, как музыкальная соната в трех частях : первая часть — философское эссе (уходящие «огни» человеческих исканий

Кайдаш-Лакшина Светлана Николаевна — Член Союза писателей и член Союза журналистов СССР

и стремлений) , вторая часть — любовная история Кисочки; наконец, третья часть — неизбежность «прозы жизни», роковой вопрос — куда девать привезенные мужиками котлы — так же неразрешим, как и два предыдущих.

Героиня рассказа инженера Ананьева в повести Кисочка — это, в сущности, предтеча «Душечки», которую Лев Толстой считал одним из «главных характеров» в мировой литературе, наравне с Дон Кихотом и Санчо Пансой.

Отношения с женщиной — «суета сует» или «шуточка» (Чехов)? «Ничего не разберешь на этом свете» — или всё-таки ясно, где растёт Красный цветок зла?

Всего лишь в № 3 «Северного вестника» была опубликована повесть Чехова «Степь», которая имела оглушительный успех и была ослепительно изобразительной и художественной. И вот практически следом за ней появилась совершенно иного жанра и свойства вещь, глубоко философская, к тому же в форме притч, — повесть «Огни». Обе повести подобны двум крыльям чеховской прозы, или двум ее широким руслам. Автор не включил «Огни» в собрание своих сочинений, и причина этому остается до сих пор неясной. Попробуем в этом разобраться.

В «Степи» главным героем выступает мальчик Егорушка, который не умеет еще анализировать окружающий его мир и лишь жадно впитывает в себя впечатления. Иное мы видим в первой части «Огней»: перед нами почти античный спор двух мудрецов pro et contra — студента барона фон Штенберга и инженера Ананьева о двух видах пессимизма в русской жизни.

В 1880-е годы пессимизм преобладал как всепоглощающее общественное настроение, и главными его выразителями были

поэт Семен Надсон («Наше поколение юности не знает...») и Всеволод Гаршин (1855–1888). Надсон умер в Ялте весной 1887 года, и через два месяца туда приехал Гаршин, чтобы эту смерть глубже пережить, много путешествовал по Крыму.

Самым популярным философом в эти годы считался Артур Шопенгауэр со своей книгой «Мир как воля и представление». Первую ее часть перевел поэт Афанасий Фет. Стихотворные сборники его «Вечерние огни» (выпуски 1883, 1885, 1888) были также широко популярны, и там образ огня является главным — «сердце огненное мира».

В 1888 году вышел третий выпуск «Вечерних огней». В каждом стихотворении — огонь, космический, сердечный, в камине, в облаке, в небе, в душе. В повести Чехова «Огни» огни идут за горизонт как созидательная работа людей и вместе с тем это и образ ушедшей жизни человечества, которая не покинула ни одного живущего именами Гегеля, Канта, Дарвина, Шекспира.

Эпиграфом к повести могли бы стать строки Фета:

Что жизнь и смерть? А жаль того огня,

Что просиял над целым мирозданьем,

И в ночь идет, и плачет, уходя.

(А. Л. Бржеской. 1879).

Инженер Ананьев горд тем, что на месте стройки железной дороги «была голая степь, человеческим духом не пахло, а теперь поглядите: жизнь, цивилизация! И как всё это хорошо, ей-богу!» (Т. 7, 106). Тут явная переключка со «Степью», два ее образа. Однако помощник инженера студент не разделяет его

чувств: «бесконечные огни» напоминают ему «о чем-то давно умершем, жившем тысячи лет назад, о чем-то вроде лагеря амалекитян или филистимлян... Когда-то на этом свете жили филистимляне и амалекитяне, вели войны, играли роль, а теперь их и след простыл. Так и с нами будет. Теперь мы строим железную дорогу, стоим вот и философствуем, а пройдут тысячи две лет, и от этой насыпи и от всех этих людей... не останется и пыли. В сущности это ужасно!» (Т. 7, 107).

22-х летнего студента страшит смерть: она существует и всё не имеет смысла. Достоевский умер недавно (1881), но его главный постулат искажен — «если Бога нет, то все позволено». Бог заменен смертью: если смерть есть, то все бессмысленно.

Они прокладывают железную дорогу, в степи, среди почти первобытного хаоса, так что «стройные телеграфные столбы... казались не от мира сего», линия огней тянулась до горизонта, и «казалось, какая-то важная тайна была зарыта под насыпью, и о ней знали только огни, ночь и проволоки...» (Т. 7, 106).

Инженер Ананьев начинает со студентом яростный спор, называя его мысли «анафемскими». Ранняя смерть Надсона (1862–1887) потрясла молодежь — студентов и курсисток, и возможно, что фон Штенберг был из их числа, он заражен расхожим надсоновским унынием, ни во что не верит и его нельзя ни в чем убедить. Тогда понятно столь категорическое отрицание смерти, доходящее до абсурда: ведь смерть — это закон природы.

Надсон провозгласил, что у свободы есть «враг опаснее цепей, страшней насилия, страданья и гоненья», и этот враг

« — всем врожденная способность примиренья» (1). Фон Штенберг и демонстрирует категорическое НЕпримирение даже с такой неоспоримостью, как смерть: если человек смертен, то всё пыль и прах. При таком пессимизме даже о вере в Бога говорить нелепо.

Осип Мандельштам писал: «Не смейтесь над надсоновщиной — это загадка русской культуры и в сущности непонятый ее звук, потому что мы не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они» (1, с. 24). Однако инженер Ананьев слышал и понимал своего молодого собеседника. Поэтому он видит, что при такой «манере мыслить решительно всё равно, умрут ли сотни тысяч людей насильственной или же своей смертью: в том и в другом случае результаты одни и те же — прах и забвение. Строим мы с вами железную дорогу. К чему, спрашивается, нам ломать головы, изобретать, возвышаться над шаблоном, жалеть рабочих, красть или не красть, если мы знаем, что дорога эта через две тысячи лет обратится в пыль?» (Т. 7, 111).

Поразительное чеховское прозрение, как идеи переходят сразу в свершения людей, «вносят отраву в жизнь окружающих нас»: «вы знаете, что вы умрете, что Шекспир и Дарвин тоже умерли, что их мысли не спасли ни их самих, ни земли, ни вас...и что таким образом жизнь лишена смысла» (Т. 7, 111). Здесь и тайная полемика с Достоевским, который считал главным для человека веру в Бога. Лишить жизнь смысла есть основной яд, «отрава» для ее разложения.

Чехов в этом споре на стороне Ананьева и делает студента невеждой: упоминая амалекитян и филистимлян, Давида

и Саула, он только способен их назвать, но не знает по существу библейской истории, например, как Давид играл на гуслях перед Саулом, как Израиль боролся с филистимлянами и был побежден, сорок лет филистимляне владычествовали над ним. Как Давид победил великана Голиафа, убил его пращей и отрубил голову. Как спаситель Израиля Самсон боролся с филистимлянами, женился на одной из них, как сначала жена, а потом возлюбленная Далида (в известной опере Далила) предали Самсона, но он отомстил филистимлянам. Эта история известна всем, вошла в золотой фонд любовной истории человечества.

Где же тут «пыль»? Библия — священная книга, и филистимляне с амалекитянами в ней же [2]. И то, что их вспоминает студент, доказывает их существование, вечную жизнь в памяти людей.

Инженер Ананьев признает однако личный, а не философский пессимизм стариков, которые уже проштудировали «всяких Гегелей и Кантов» (к вопросу о невежестве студента), пострадались, наделали «тьму ошибок». То есть прошли «всю лестницу от низу до верху», лестницу познания, ощутив все «краски, звуки и мысли» жизни.

«Их пессимизм имеет за собой и личный опыт, и прочное философское развитие... У стариков-мыслителей пессимизм составляет не шалтай-болтай, как у нас с вами, а мировую боль, страдание; он у них имеет христианскую подкладку, потому что вытекает из любви к человеку и из мыслей о человеке и совсем лишен того эгоизма, какой замечается у виртуозов. Вы презираете жизнь за то, что ее смысл и цель скрыты именно от вас,

и боитесь вы только своей собственной смерти, настоящий же мыслитель страдает, что истина скрыта от всех, и боится за всех людей» (Т. 7, 137).

«Виртуозами» инженер Ананьев называет себя в молодости и студента фон Штенберга, целое поколение, тех, кто не имеет «ни убеждений, ни определенного нравственного кодекса, ни сердца, ни рассудка», у них «всё умственное и нравственное богатство ...состояло из специальных знаний, обрывков, ненужных воспоминаний, чужих мыслей». Это состояние не является личным делом каждого, потому что «эту виртуозность, игру в серьезную мысль, наше поколение внесло в науку, в литературу, в политику, — волнуется инженер в отличие от абсолютно равнодушного студента, — а с виртуозностью вносило оно свой холод, скуку, односторонность... новое, до сих пор небывалое отношение к серьезной мысли» (Т. 7, 135–136). Ему претят «мысли о бесцельной жизни, смерти, загробных потемках» (Т. 7, 126). Пессимизм стариков — это пессимизм Шопенгаура, овладевший русской публикой в конце XIX века, когда дядя Ваня в одноименной пьесе будет кричать: «из меня мог выйти Достоевский, Шопенгауэр». Читая диалог инженера Ананьева со студентом фон Штенбергом, вспоминаешь строки А. Фета:

Хоть не вечен человек,
То, что вечно, — человечно.
(1874–1886)

Инженер Ананьев рассказывает свою любовную историю, которая излечила его от «виртуозности». Она представляет

собой одну из лучших новелл Чехова о любви — вернее сказать, о разном отношении мужчины и женщины к любви, или даже почти библейскую притчу о них. Это вторая часть Философской сонаты «Огни». И это спор с рассказом и повестью Гаршина о любви, полными пессимизма, — «Происшествие» (1878) и «Надежда Николаевна» (1885). «Виртуозы» непримиримы к смерти и жизни, Гаршин непримирим к проституции как общественному и человеческому злу.

Рассказ об Ананьеве и Кисочке является антиподом гаршиновским, как и сама Кисочка — полный антипод гаршиновской героине Надежде Николаевне.

Надежда Николаевна — героиня обоих произведений, падшая женщина.

В «Происшествии» герой увлекся проституткой, и когда она не ответила на его чувство, застрелился. Она страдает и хочет покончить с собой.

В «Надежде Николаевне» накал страстей еще сильнее: она увлеклась идеей, которую ей сообщил ее клиент, «мальчишка», вычитав в статье, что каждая проститутка — это «клапан для общественных страстей» и тем самым она приносит пользу обществу. Надежда Николаевна имеет своего постоянного содержателя и любовника, но в нее влюбился художник Лопатин, который хочет писать с нее Шарлотту Корде, убившую Марата во время Великой французской революции. Содержатель Бессонов не может допустить этого и не разрешает ей позировать, понимая, что художник уже влюбился в свою модель. Приятель Лопатина Гельфрейх приводит к нему Надежду Николаевну. Она гордая, как Настасья Филипповна

у Достоевского в «Идиоте», интеллектуальная, как Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых», страстная, как Грушенька.

Бессонов впадает в ярость, так как им овладела бешеная страсть, он считает Надежду Николаевну дьяволом, а свое чувство — наваждением. Поэтому он врывается в мастерскую и убивает героиню из револьвера. (То же сделает помещик Иртенев в повести Льва Толстого «Дьявол» 1890 года, написанную под явным влиянием Гаршина: он тоже стреляет в крестьянку Степаниду). Тогда Лопатин хватает копье — Гельфрейх рисовал Илью Муромца — бросает в Бессонова и убивает его. Суд его оправдал, но он умирает вскоре в больнице от скоротечной чахотки. Погибли все участники драмы, любовь была с косой смерти. У Чехова нет никакого разгула страстей.

В «Припадке» из гаршиновской повести появляется художник — «ученик московского училища живописи, ваяния и зодчества Рыбников», а студент-юрист Васильев, когда узнавал на улице падшую женщину или «видел ее изображение в юмористическом журнале, то всякий раз он вспоминал одну историю, где-то и когда-то им вычитанную: какой-то молодой человек, чистый и самоотверженный, полюбил падшую женщину и предложил ей стать его женою, она же, считая себя недостойною такого счастья, отравилась» (Т. 7, 199). Это сюжет «Происшествия» Гаршина с небольшой неточностью.

Далее Васильев, уже побывав с товарищами в публичном доме и испытав полное отвращение ко всему, опять вспоминает прочитанное и спорит с Гаршиным: «Души погибающих женщин остались для него по-прежнему тайной, но для него ясно было, что дело гораздо хуже, чем можно было думать. Если

та виноватая женщина, которая отравилась, называлась падшею, то для всех этих, которые плясали теперь под звуковую путаницу и говорили длинные отвратительные фразы, трудно было подобрать подходящее название. Это были не погибающие, а уже погибшие... Их продают, покупают, топят в вине и в мерзостях, а они, как овцы, тупы, равнодушны и не понимают» (Т. 7, 212).

В отличие от Гаршина, Васильев считает проституцию слишком большим злом, чтобы ее можно было искоренить женитьбой молодых людей, желающих «спасти» проституток: «Что-нибудь из двух: или нам только кажется, что проституция — зло, и мы преувеличиваем, или же , если проституция в самом деле такое зло, как принято думать, то эти мои милые приятели такие же рабовладельцы, насильники и убийцы, как те жители Сирии и Каира, которых рисуют в «Ниве». Они теперь поют, хохочут, здраво рассуждают, но разве не они сейчас эксплуатировали голод, невежество и тупость? Они — я был свидетелем. При чем же тут их гуманность, медицина, живопись? Науки, искусства и возвышенные чувства этих душегубов ...» (Т. 7, 213). Васильев понял, что проституция — мировое зло: «А куда девать сто тысяч лондонских? Куда девать гамбургских?» (Т. 7, 216). Он понимает, что «лучшее и, пожалуй, единственное средство» — это женитьба. Но он не способен на это — «для этого надо быть святым, не уметь ненавидеть и не знать отвращения» (Т. 7, 216).

Чехов считает проституцию проблемой нерешаемой — ничего с этим не поделает, она есть во всех городах мира.

В отличие от героев Гаршина Васильев думает, что «надо спасать мужчин»: «Для этого необходимо, чтобы мужчины, которые их покупают и убивают, почувствовали всю безнравственность своей рабовладельческой роли и ужаснулись» (Т. 7, 216). У него начинается припадок нестерпимой душевной боли. Он бредет по Москве, к реке Яуза и видит «длинные ряды огней в окнах Красных казарм», ему хочется броситься в воду, чтобы заглушить боль, «но черная вода, потемки... были страшны» (Т. 7, 219).

Может быть, именно эти «ряды огней» отрезвляют его и заставляют вернуться домой, вместо того чтобы броситься в реку.

Слово «потемки» (как в «Огнях») встречается в рассказе несколько раз: около публичного дома у забора Васильеву казалось, что «в потемках над крышами настраивался невидимый оркестр. Если взглянуть вверх на эти потемки, то весь черный фон был усеян белыми движущимися точками: это шел снег» (Т. 7, 211).

Снег — это вечное, неизменяемое и не зависящее от людей явление. Огни — антипод снегу и связаны с Божественной силой и с деятельностью человека, который их зажигает. Уходящие огни- ушедшие мысли, люди, племена.

В повести «Огни», споря с Гаршиным, Чехов показал превращение мужчины из «рабовладельца» в человека с совестью. Это был инженер Ананьев с Кисочкой. После «Огней» это сделает Лев Толстой в романе «Воскресенье» с графом Нехлюдовым и Катюшей Масловой, ставшей проституткой по его вине, как он полагал.

В «Огнях» Чехов резко обрушивается на философию, овладевшую молодыми людьми, считавшими, что «жизнь бесцельна и не имеет смысла, что всё обман и иллюзия, что по существу и результатам каторжная жизнь на острове Сахалин ничем не отличается от жизни в Ницце, что разница между мозгом Канта и мухи не имеет существенного значения» (Т. 7, 114). И бесконечно любили «посладострастничать мыслями о бесцельной жизни и загробных потемках» (Т. 7, 115).

Он спорит с Гаршиным о самом существе женской привязанности к мужчине. Инженер Ананьев приезжает в город, где родился и вырос, кончил гимназию и встречает молодую женщину, в которую были влюблены все гимназисты, и он в том числе. Она вышла замуж, несчастлива в браке, и у него рождается сразу желание овладеть ею. Не потому, что он сразу влюбился, а потому, что последний раз «у своей петербургской барыни в последний раз... был три недели тому назад... и мимолетный роман был бы... теперь очень кстати» (Т. 7, 115).

В юности все были влюблены в «кроткую», с «кроткой усталой улыбкой» гимназистку Наталью, по прозвищу Кисочка за сходство с котенком. Ананьев смотрит на нее и думает: «Хорошо бы сегодня сойтись с ней». Она поссорилась с мужем, идет ночевать к матери, он ее провожает и у своей гостиницы Ананьев набросился на нее с поцелуями и обещаниями: «Я увезу тебя из этой ямы и дам тебе счастье. Я тебя люблю». Он знал, что лжет и все-таки говорил. «Ошеломленная Кисочка все пятилась назад и смотрела... большими глазами». Потом истерично заплакала. «Не спрашивая ее согласия, мешая ей говорить, я насильно потащил ее к себе в гостиницу... Она была

как в столбняке и не шла, но я взял ее под руку и почти понес... Ставши моей любовницей, Кисочка взглянула на дело иначе, чем я. Прежде всего она полюбила страстно и глубоко. То, что для меня составляло обыкновенный любовный экспромт, для нее было целым переворотом в жизни. Помню, мне казалось, что она сошла с ума. Счастливая первый раз в жизни, помолодевшая лет на пять, с вдохновенным, восторженным лицом, не зная, куда деваться от счастья, она то смеялась, то плакала и не переставала мечтать вслух о том, как завтра мы поедем на Кавказ, оттуда осенью в Петербург...» (Т.7,131). Уверяла, что муж даст развод, и они повенчаются.

Ананьев же устал и чувствовал досаду, его «коробило от мысли, что порядочная, честная и страдающая женщина так легко, в какие-нибудь три-четыре часа сделалась любовницей первого встречного». Он был «сыт», и было досадно, что «сглупил и связался с женщиной, которую поневоле придется обмануть» (Т. 7, с. 132). С трудом выпроводив Кисочку и доведя ее до дома матери, он вернулся в гостиницу, «разделся, выпил сантуринского, закусил свежей зернистой икрой, которую купил днем на базаре, не спеша лег в постель и уснул крепким, безмятежным сном туриста» (Т. 7, с. 133). «Любовный экспромт» и «турист» — тут коренные слова.

Утром Ананьев уложил свои вещи, велел отвезти их на вокзал, весь день просидел у приятеля, на вокзале «просидел в уборной до второго звонка», боясь встречи с Кисочкой, которая ждала его. Всю дорогу он утешал себя, что «в конце концов, свободной воли нет», и поэтому он не виноват, к тому же и он и Кисочка умрут и сгниют, но все-таки понял, что «совершил зло,

равносильное убийству». Инженера замучила совесть, «погна-ла» его назад в N, где он «не мудрствуя лукаво, покался перед Кисочкой, вымолил у нее, как мальчишка, прощение и попла-кал вместе с ней» (Т. 7, 136). О любви со стороны героя тут речи нет.

Перед нами отлитая почти в библейскую форму притча об отношении мужчины к женщине: юношеская влюбленность — плотское вожделение — брак с детьми. Ананьев показывает рассказчику-доктору фотографию детей, но не жены. Такова мужская природа, по мнению Чехова. В этом он расходится с Гаршиным. Но инженер Ананьев свое поведение с Кисочкой относит исключительно за счет увлечения современной философией пессимизма «виртуозов». Может быть, это одна из причин, почему Чехов не включил «Огни» в собрание своих сочинений.

В отличие от Гаршина, Достоевского и Льва Толстого («Анна Каренина») у Чехова изображение любви не связано со смертью, он не верит в ее смертоносность. Поэтому у него нет мелодрамы, надрыва, роковой страсти, желания спасти или отомстить.

В «Даме с собачкой» (1899) Чехов опять напоминает нам после «Огней» о различном отношении к любви у мужчины и женщины: «Анна Сергеевна привязывалась к нему всё сильнее, обожала его, и было бы немислимо сказать ей, что всё это должно же иметь когда-нибудь конец; да она бы и не поверила ему» (Т. 10, 142).

Кисочка полюбила «ушами», разрешив себе поверить в лживые, потому что мгновенные, торопливые речи о любви,

сказанные неожиданно и необоснованно. Ведь любовь была главным содержанием и несбывшейся мечтой ее жизни. Поэтому на лице ее такая робость ожидания и даже тупость легковерия, как у героинь «Припадка».

Женщина отдается мужчине легко и быстро, как отдалась Кисочка Ананьеву в его гостинице, и в этом смысле она мало уступает проститутке из «Припадка», которой бухгалтер купил нижнее белье и тем совратил ее.

Чем отличается Кисочка от гаршиновской героини Надежды Николаевны? Кисочка вышла замуж без любви — по инерции жизни. Надежда Николаевна добивается любви — и первому герою отказала, который застрелился, и Бессонова отвергает. Она меняет свою жизнь, полюбив художника Лопатина. Выходит, что падшая женщина ищет любви и добивается ее, а Кисочка инертна и пассивна. У Гаршина гора трупов, у Чехова живы все.

Третья часть «Огней» — это неожиданное вторжение обыденной жизни: являются мужики с котлами, которые никто не заказывал и никому они не нужны. Босые, в нижнем белье, невыспавшиеся фон Штенберг и Ананьев стояли перед мужиками и пытались что-то им объяснить, будто на Страшном суде перед Господом. Это тоже будто библейская притча: котлы как венец философствования и попыток почувствовать себя самым умным и сильным. Но котлы, как и огни, сакральны: в них из мертвых продуктов варится еда для поддержания жизни, или кипит вода. Под котлами зажигается огонь.

Рассказчик-доктор, увидев эту картину, воскликнул: «Ничего не разберешь на этом свете!» и потом тут же повторил,

вспомнив вопросы, которые «решались ночью»: «Да, ничего не поймешь на этом свете!» В самом деле, перед нами некая «Жизнь Человека» — юность с умствованием и философскими спорами, с мыслями, которые «тянутся среди потемок, и, ничего не осветив, не прояснив ночи, исчезают где-то — далеко за старостью» (Т. 7, 138), зрелость с мечтами и часто неумелыми попытками любить и наконец, торжество «котлов» как грубой и беспощадной реальности.

Писатель К. С. Баранцевич, подружившийся с Чеховым с 1887 года, в своем «Котле», опубликованном после «Огней», попытался ответить инженеру Ананьеву с его рассказом о Кисочке. Современные критики называли Баранцевича «писателем-пессимистом 80-х гг.» [3, с. 156].

Философия пессимизма вела к безнравственности, и Чехов писал 22 марта 1890 года И. Л. Леонтьеву-Щеглову: «Нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая теперь мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч.» (П. 4, 44).

Чехов высоко ценил талант Гаршина. Как герой «Припад-ка», он обладал особым талантом: «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант — *человеческий*» (Т. 7, 216).

Чехов был в марте 1888 года в Петербурге, хотел увидеться с Гаршиным, заходил к нему, но не застал. А когда вернулся в Москву, то узнал о случившейся трагедии. Плещеев писал Чехову 10 марта 1888 года: «Сколько я похвал слышу вашей «Степи». Гаршин от нее без ума. Два раза подряд прочел»

Он пришел к другу и сообщил: «Я пришел сообщить тебе замечательную новость. В России появился новый первоклассный писатель» (Т. 7, 643).

Отвечая А. Н. Плещееву на его просьбу принять участие в сборнике памяти Гаршина, Чехов ответил ему 15 сентября 1888 года: «Таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним... Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу... У меня решительно нет тем, сколько-нибудь годных для сборника... Впрочем, есть у меня еще одна тема: молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий, попадает первый раз в жизни в дом терпимости. Так как о серьезном нужно говорить серьезно, то в рассказе этом все вещи будут названы настоящими их именами» (Т. 7, 660).

Рассказ «Припадок» вошел в некоторое противоречие с повестью «Огни», где автор выступил критически против произведений Гаршина и его пессимизма. А после смерти писателя ему уже не хотелось этого, и «Огни» Чехов не включил в собрание своих сочинений.

Однако мысли о Гаршине не оставляли Чехова до конца его жизни. В «Вишневом саде» Лопехин сажает тысячу десятин мака — красного цветка. Лопехин получил огромную прибыль и купил имение Раневской. В рассказе Гаршина «Красный цветок» (1883) герой — душевнобольной. Он увидел в трех цветках мака, растущих в больничном саду, воплощение Зла Мира, всех слез, пролитых людьми, их невинной крови. Это было пророчество Гаршина и предвиденье Чеховым наших дней.

Литература

1. Цитирую по: Евгений Евтушенко. «Один, без любви и участия» // Московские новости. 27 января — 02 февраля 2006.
2. Библия. Книги Ветхого Завета. Книга Судей Израилевых. Гл. 13–16. Первая книга Царств. Гл. 15–21, гл. 27, 30.
3. Муратов А. Б. Баранцевич Казимир Станиславович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т.1. / П. А. Николаев (гл. ред.). — М.: Советская энциклопедия, 1989. — Т. 1: А–Г. — С. 155–156.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1974–1983. — 30 т.